

POLYBIANA: ИСТОРИЯ КАК НАУКА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

III — II вв. до н. э.

Изучение античной историографии, первых шагов исторической науки, позволяет оценить как особенности развития исторической мысли — ее основных понятий, проблем, ею изучаемых, приемов исторического исследования — в различные периоды истории античного общества, так и общий ход умственного развития человечества. Грандиозный по объему и охвату исторического материала труд автора III—II вв. до н. э. Полибия по праву занимает важное место в греческой историографии. Это сочинение, играющее важную роль в разработке античной теории истории, и будет в данном случае предметом нашего рассмотрения.

В отечественной историографии первой попыткой дать общее представление о работе и мировоззрении Полибия была статья Ф. Г. Мищенко, по мнению которого особенности политической жизни эллинистической Греции во многом предопределили мировоззрение автора «Всеобщей истории»¹. Советские исследователи уделили внимание в своих работах рассмотрению отдельных аспектов мировоззрения Полибия. Предметом анализа стали его представления о ходе исторического процесса², проводилось сравнение взглядов историка с современными ему политическими теориями, основу которых составляли государствоведческие воззрения греков предшествующего периода, делались попытки выявить степень зависимости от них Полибия³, его труд исследовался как источник о развитии рабства, позволяющий вскрыть характер взаимодействия между войнами и становлением института рабства в политических условиях III—II вв. до н. э.⁴ Наконец, следует отметить работу А. И. Немиров-

¹ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий.— В кн.: *Полибий*. Всеобщая история. Т. I, М., 1890, с. I—XII.

² Конрад Н. И. Полибий и Сыма Цянь.— В кн.: *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 47—67.

³ Нерсесянц В. С. Политические учения древней Греции. М., 1979, с. 242—254; Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 92—98.

⁴ Павловская А. И. Полибий о рабстве III—II вв. до н. э. Война как источник рабства.— ВДИ, 1963, № 2, с. 95—106.

ского, поставившего своей целью дать общий очерк о Полибии как историке⁵.

Однако отсутствие отечественных исследований, посвященных другим аспектам теории истории у Полибия, наличие разноречивых мнений по этим вопросам в современной западной науке делают, по нашему мнению, необходимым обращение к трудам этого автора. Задача настоящей статьи — составить более четкое представление о том, каким образом эллинистическая историография III—II вв. до н. э. трактовала вопрос об истории, выступающей в качестве особой научной дисциплины.

Ни один из предшественников Полибия — ни Геродот, ни Фукидид, каждый из которых, несомненно, сознавал важное значение истории в целом, — не считал необходимым вдаваться подробно в рассуждения на эту тему. Обращение Полибия к важнейшим проблемам теории истории, что заставляло его прерывать основной рассказ и предаваться раздражающе педантичным рассуждениям, зависело не столько от его темперамента и склада ума, сколько вызвано было потребностями времени. Многочисленные отступления историка по этому поводу, критические замечания о работах современных ему авторов свидетельствуют о более углубленном понимании Полибием специфических целей и задач исторической науки. Попытки Полибия определить предмет и метод истории вряд ли были единственным примером подобного рода: в период эллинизма появился целый ряд трактатов, посвященных мастерству историописания, от которых, к сожалению, до нас дошли лишь одни названия. Вполне допустимо, что Полибий их знал и, возможно, использовал в своих теоретических разработках⁶. Особенно много в этом плане сделали представители школы перипатетиков. Работы Аристотеля⁷ и его учеников — Феофраста и Праксифана, которым принадлежали трактаты, традиционно озаглавленные *περί ιστορίας*⁸, оказали большое влияние на развитие греческой историографии. Полибий указывает, что и его предшественник Эфор также уделял внимание некоторым аспектам теории историописания (XII, 1—4). Эллинистическая историческая мысль созрела для постановки и решения на доступном для нее уровне ряда теоретических вопросов, а также для пропаганды этих взглядов.⁴

Полибий начинает Введение к своему труду с похвалы (*ἑπαινος*) истории и отмечает ее воспитательное значение, называя ее «наиболее очевидной и единственной учительницей», что предвосхищает более позднее выражение *historia est magister vitae*. Чтение исторического сочинения, продолжает Полибий, дает возможность «получить и полезное, и приятное» (*χρήσιμον καὶ τερπνόν*). Но главное Полибий видит в том, что жизненный и практический опыт, с которым знакомится читатель, помогает приблизиться «к истинной жизни» (*πρὸς ἀληθινὸν βίον*). Таким образом, Полибий, подчеркивая важность истории в деле воспитания, приписывает ей цели, бывшие ранее прерогативой философии, и подмечает особое качество истории как этической дисциплины (I, 1, 2; 4,11; 35,9).

Однако задачи истории, по мысли Полибия, не следует ограничивать этико-воспитательной сферой. В представлении Полибия история приобретает характер науки, суммирующей политический опыт и выступающей в качестве практического руководства для военного и государственного деятеля. Своеобразное сужение круга лиц, к которым обращен его труд,

⁵ Немировский А. И. Полибий как историк. — ВИ, 1974, № 6, с. 87—106.

⁶ Об этом свидетельствует начитанность Полибия в философской литературе его времени. См. *Pédech P. La culture de Polybe et la science de son temps.* — In: *Polybe. Neuf exposes suivies de discussions.* Genève, 1974, p. 41—64.

⁷ См. о влиянии деятельности Аристотеля на развитие истории: *Fritz K. von. Aristotle's Contribution to the Practice and Theory of Historiographia.* — HSClPh, v. XXXIII, № 3, p. 113—137.

⁸ См. специально об этих работах: *Walbank F. W. Polybius.* Berkeley, 1972, p. 36, not. 20.

от «любопытного читателя» до «мужа государственного» (*ὁ πολιτικός* или *ὁ πραγματικός* — III, 118,12; VII, 11,2; IX, 1,1—6; XII, 27,10; XXVIII, 3,14), показывает, какое важное практическое значение придавал Полибий историописанию⁹.

Разработка Полибием такого важного аспекта историописания, как понятие «предмет истории», обнаруживает его глубокие знания в области античной риторики и философии. В обширном, посвященном критике историков Зенона и Антисфена отступлении (в книге XVI) он определяет историю как разновидность литературного творчества (*τῶν γραφῶν* — XVI, 14—20) и вместе с тем отмечает, что история принадлежит к такого рода искусствам, которые требуют не только хорошего стиля и красочного языка, но и качеств, присущих науке. Для подтверждения своего взгляда Полибий проводит сравнение истории с трагедией. Историк указывает, что конечные цели, результат (*τὸ τέλος*) истории и трагедии «не одинаковы, но противоположны» (*οὐ τὰ αὐτὸν, ἀλλὰ τὸ ἄντικθόν*), и поясняет эту игру слов. Трагедия ставит своей целью занимательность, она должна развлекать и доставлять удовольствие. Трагик имеет право прибегать к «обману, вымыслу или правдоподобию» (*τὸ πιθανόν, ἢ ψεῦδος*). Основным признаком истории и ее основное отличие от трагедии — правдивость в изображении событий (*διὰ τῶν ἀληθινῶν ἔργων*). Задача историка, напоминает в очередной раз Полибий, «не развлекать, но обучать и убеждать» (*διδάξαι καὶ πείσαι*) читателя. Не только в словопротивопоставлении «вымысел — истина», но и в его указании на такую характеристику истории, как протяженность во времени («на все времена» — *εἰς τὸν πάντα χρόνον*) — в отличие от сиюминутного назначения трагедии — *κατὰ τὸ παρόν*), следует видеть предпочтение прославляемой им научной дисциплины (II, 56, 11).

В этом рассуждении Полибия прежде всего наличествует типичное для периода эллинизма противопоставление «научной» и «художественной» литературы, которое чаще всего давалось при сопоставлении истории и поэзии. Историк в сущности повторяет здесь обычные для мировоззрения античного автора признаки научной литературы, которая лишена вымысла¹⁰, излагает истинное положение вещей, преследует утилитарные цели и служит выражением истинно духовной деятельности человека. Полибий был, видимо, хорошо знаком с использованием и развитием понятий *πιθάνον*, *ψεῦδος* в словесном творчестве греков¹¹. Весьма показательна начитанность Полибия именно в перипатетической литературе. К. фон Фриц, говоря об огромном значении для развития исторической науки древности деятельности Аристотеля и его учеников, выделил следующие аспекты этого влияния: 1) организация сотрудничества ученых, исследующих различные области античной науки, что привело к их взаимному обогащению; 2) расширение сферы исторического исследования; 3) влияние некоторых концепций и идей философов-перипатетиков, в частности концепции биологического развития общества, разработки ими историй политического устройства отдельных государств, учения о характерах и их эстетических взглядов, на историописание в самом широком смысле этого слова¹². Труд Полибия подтверждает правильность его взглядов.

⁹ См. *Tapp B. J. Polybios' Conception of History.* — *Prudentia*, 1972, IV, p. 36—39.

¹⁰ О взглядах античных теоретиков эстетики на роль вымысла в «художественной» и «научной» литературе см.: *Шталь И. В.* *Художественный мир гомеровского эпоса.* М., 1983, с. 54—55.

¹¹ О разработке греками этих понятий см.: *Миллер Т. А.* *К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э.* — В кн.: *Древнегреческая литературная критика.* М., 1975, с. 37—156; *она же.* *Доаристотелевские учения о словесном искусстве.* — В кн.: *Аристотель и античная литература.* М., 1978, с. 24—89; *Фрейберг Л. А.* *Литературная критика в перипатетической школе.* — В кн.: *Древнегреческая литературная критика,* с. 157—184.

¹² *Fritz.* *Op. cit.*, p. 134—136.

Можно утверждать с полным правом, что историк был знаком с трактатом самого Аристотеля об искусстве поэзии как подражании (*μίμησις*) жизни. Об этом свидетельствует прежде всего активное использование им некоторых Аристотелевых терминов, в частности *πιθανόν* — «вероятное, вызывающее доверие»¹³. Кроме того, историк положительно воспринимал тезис Аристотеля о том, что цель художественного произведения — доставлять удовольствие, что задача трагика — изображать удивительное, что поэт имеет право на вымысел. И, наконец, общее у обоих авторов сравнение литературных произведений с живописными — у одного поэзии, у другого истории — подтверждает наше предположение (см. последовательно: Arist., Poet. IV, 1446b, 4—19; XIV, 1453b, 11—14; XXIV, 1468a, 33—35; 1460b, 1; XXV, 1460b, 11—24; Polyb., XII, 25h).

Аристотель видел различие между трагедией и историей в том, что история говорит о действительно случившемся (*τὰ γενομένα*), а трагедия — о том, что могло бы случиться (*οἷα ἂν γένοιτο*). Философ IV в. до н. э. считает поэзию философичнее и значительнее (*φιλοσοφητέρον καὶ σπουδαιότερον*) истории, ибо поэзия больше говорит об общем, универсальном (*τὰ καθ' ὅλου*), история же — об единичном, особенном (*τὰ καθ' ἑκάστων* — Arist., Poet. IX, 1451a. 36—38). Это рассуждение Аристотеля было предметом внимания ряда ученых, которые стремились показать, что превосходство трагедии по сравнению с историей Аристотель видел в превосходстве общего над единичным. Демонстрируя общечеловеческое, трагедия призвана воспитать человека, пробуждая его чувства и оказывая на них влияние¹⁴. Однако, как подчеркивали в свое время К. фон Фриц и Ф. Уэлбэнк¹⁵, данное рассуждение никоим образом не свидетельствует о пренебрежительном отношении Аристотеля к историческому жанру как таковому. В своей работе по исследованию греческих политических институтов философ отдал дань внимания и истории¹⁶. Аристотель останавливается на указанном им основном различии между трагедией и историей потому, что они зачастую имели дело с одним и тем же материалом греческой древности и, видимо, могли восприниматься читающей публикой как нечто абсолютно тождественное¹⁷. История пишется на основе знакомства с единичным фактом, который в силу своей специфики может и не получить философского осмысления. Трагедия, сюжет которой не более чем правдоподобный вымысел и уже потому предполагает нечто универсальное, обязана привести к выводу, имеющему общечеловеческое значение¹⁸.

Следует отметить то важное обстоятельство, что Полибий в своем сравнении истории и трагедии меняет акценты. Он стремится, без указания на Аристотеля или его учеников, опровергнуть тезис об единичности исторического знания, полагая, что история способствует достижению «истинной» жизни, а историческое сочинение по сравнению с трагедией оказывает более глубокое и существенное воздействие на читателя. Таким образом, грань между историографическим жанром и философией у Полибия фак-

¹³ О значении этого термина см. Ахманов А. С. О содержании некоторых основных терминов «Поэтики» Аристотеля. — В кн.: *Аристотель. Поэтика*. М., 1957, с. 141—146.

¹⁴ Там же, с. 144 сл., 148; см. рец. на кн.: Weil R. Aristotle et l'histoire. Essai sur la «Politique». P., 1960; Доватур' А. И. — ВДИ, 1965, № 1, с. 183—184 и Радциг С. И. — Там же, с. 180; Петровский Ф. А. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве. — В кн.: *Аристотель. Поэтика*, с. 5—7; Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним. — В кн.: Вопросы классической филологии. Вып. 2. М., 1969, с. 113—117.

¹⁵ Fritz. Op. cit., p. 134; Walbank F. W. History and Tragedy. — Historia, 1960, Bd. IX, N. 3, p. 221.

¹⁶ О заслугах Аристотеля как историка см. Доватур А. И. «Политика» и «Политики» Аристотеля. М. — Л., 1965, с. 296—325.

¹⁷ Walbank. History and Tragedy..., p. 221—225.

¹⁸ Brink O. Tragic History and Aristotle's School. — PCPhS, 1960, VI, p. 14—15; Fritz. Op. cit., p. 132—134.

тически стирается. Вполне допустимо, что он полемизировал с мнением Аристотеля (или его последователей), который считал, что «опыт есть знание единичного, а искусство — знание общего». Для оценки концепции, взглядов Полибия представляется чрезвычайно важным его стремление философски осмысливать материал исторических событий: он прямо упрекает Тимея и написавшего исторический труд Пруссия II, царя Вифинии, за отсутствие у них попыток такого рода (см. последовательно: Arist., *Metaph.* I, 1; Polyb., XII 25, 6; XXXVI, 15, 5).

Вместе с тем возможно, что в приведенном выше отрывке Полибия содержится не только критика историков, путающих историю с трагедией, а научное изложение с беллетристикой. Не проявилось ли в данном случае негативное отношение Полибия к определенному направлению в эллинистической историографии III—II вв. до н. э., приверженцы которого следовали принципам Аристотеля в историописании? Э. Шварц первым выступил с тезисом о существовании такого направления в эллинистической историографии, которое он назвал «трагическая история»¹⁹. Он утверждал, что это направление родилось в Ликее Аристотеля и оформилось окончательно благодаря работам философов-перипатетиков Теофраста и Праксифана об искусстве историописания. Их последователи считали эмоциональный момент важнейшим в творчестве историка, настаивая на том, что история — это подражание (*mimesis*) жизни и главное в историческом труде — доставлять читателю удовольствие (*hedone*). Такой вывод делался на основе сохранившегося в «Библиотеке» Фотия отрывка из сочинения Дурида Самосского, который и предъявлял историческому труду вышеперечисленные требования²⁰.

И термин «трагическая история», и тезис о существовании в греческой историографии периода эллинизма направления, взявшего за основу философско-эстетические разработки школы перипатетиков и пытавшегося превратить историю в разновидность поэтического искусства, позднее подверглись критике²¹. Суть всех этих возражений сторонникам Э. Шварца изложил Ф. Уэлбэнк, который писал об изначально существовавших у греков историописаниях, отличавшихся преобладанием эмоционального элемента, а также стремлением авторов этих сочинений с помощью рассказов о чудесном или ужасном привлечь внимание читателей. Он скептически отнесся к мысли о том, что в эпоху эллинизма некоторые историки ориентировались в своем творчестве на теорию, основанную на переработке или прямом заимствовании учения Аристотеля о *mimesis* в поэзии²². Ф. Уэлбэнк считал, что на основании сохранившихся данных говорить о существовании в эллинистической историографии так называемого «трагического» или «мимического» направления невозможно. Одновременно он утверждал, что выступления Полибия против Филарха и историков Ганнибала, критика их работ за чрезмерно эмоциональное изображение отдельных эпизодов при описании исторических событий — не более чем реакция на манеру эллинистических писателей вводить описание чудес в историческое сочинение²³.

Однако в настоящее время мнение Ф. Уэлбэнка не является общепризнанным. Так, например, О. Бринк предполагает, что у этого эмоционального направления в греческой историографии могли быть различные представители и что некоторые из них могли претендовать на теоретическое

¹⁹ Schwartz E. Fünf Vorträge über den griechischen Roman. В., 1896.

²⁰ Jacoby F. FGrH, 76F 1 176.

²¹ См. обзор литературы, посвященной этому вопросу: Walbank. Polybius, p. 34, not. 15—16.

²² О роли «мимесиса» в развитии эстетической мысли древних см.: Никитина Н. Н. «Мимесис» как основное понятие теории искусства Аристотеля. — Вестник МГУ, сер. философии, 1980, № 3, с. 58—66; Миллер Т. А. «Поэтика» Аристотеля. — В кн.: Аристотель и античная литература. М., 1978, с. 68—77.

²³ См. Walbank. History and Tragedy..., p. 216—234; *idem*. Polybius, p. 34—39.

обоснование своих взглядов²⁴. Нам кажется, что предположение О. Бринка способствует прояснению ситуации III—II вв. до н. э. Самая духовная жизнь периода эллинизма, становление в этот период ряда научных дисциплин со своими специфическими задачами способствовали развитию исторической науки. Возможно, в рассуждениях Полибия о различии между жанром трагедии и исторической прозы отразилось его стремление указать на особенности истории как специфически научной дисциплины. Недовольство историками, придерживающимися противоположных взглядов, приобретает у Полибия весьма выразительную форму, особенно характерна в этом плане его критика Филарха, в которой он активно использует ряд терминов и выражений, типичных для эстетических взглядов Аристотеля и представителей его школы (II, 56—58)²⁵.

Наконец, есть основание считать, что Полибий стремился противопоставить свое понимание истории и терминологически²⁶. История — это изображение (*ἔμφασις*)²⁷ жизни, сделанное историком со всей ясностью и отчетливостью (*ἐνάργεια*)²⁸ на основании собственного жизненного опыта (*ἀποπάθεια*). ²⁹*Ἐμφασις* — термин риторического происхождения, имеющий значение «особая выразительность, подчеркивание смысла происходящего подобающим словом». Суть возражений Полибия против сторонников идеи о том, что история — это подражание (*μίμησις*) жизни, можно свести к следующему: писатель-историк должен изображать реальные исторические события (*τῶν ἀληθινῶν ζῶων, τῶν πραγμάτων*), сопровождая жизненные зарисовки объяснениями и подбирая для этого точные слова с тем, чтобы факты предстали перед читателем со всей очевидностью. Слово *ἐνάργεια* тесно связано с гносеологией эпикурейцев и перипатетиков и означает очевидную ясность, получаемую в результате опыта²⁹. Таким образом, этот тезис Полибия теснейшим образом связан с его идеей о необходимости для автора исторического труда иметь собственный опыт — основу методологии исторического исследования. Опираясь на достижения античной риторики и философии, он использует их выводы, чтобы показать, сколь неверно отождествление задач поэзии и истории, ибо последняя прежде всего принадлежит к категории научной литературы (XII, 25h, 3—4; 25i, 7; 28a, 6).

С той же целью Полибий прибегает к сравнению истории с риторикой. Не отрицая пользы красноречия, он тем не менее замечает, что в историческом сочинении демонстрация мастерства ратора не должна становиться самоцелью. Таким образом, он пытается решить вопрос о соотношении риторического (т. е. художественного) и научного в историописании. При этом автор «Всеобщей истории» не отрицает такой формы изложения событий, как речи исторических деятелей, и иногда прибегает к ней сам. Это неудивительно. Историк следует, видимо, традиции³⁰, определяя предмет истории как «деяния и речи» (*ἔργα καὶ λόγοι*), а задачу историка — «говорить по правде о содеянном и сказанном» (*τῶν δὲ πραγθέντων καὶ ῥηθέντων* — II, 56, 10; XIV, 1a, 3). Не отрицает он и необходимости, согласно правилам риторического мастерства, обработки речей, помещенных в историческом сочинении. Эта мысль подтверждается рассуждениями

²⁴ Brink. Op. cit., p. 19.

²⁵ См. разбор отдельных терминов: Walbank. Polybius, p. 35, not. 26.

²⁶ Schepens G. Ἐμφασις und ἐνάργεια in Polybios Geschichtstheorie.— RSA, 1975, V, S. 185—200.

²⁷ О значении этого термина у Полибия см.: Mauerberger A. Polybios-Lexicon. Bd. I, Lief. 2, S. 774.

²⁸ См. о происхождении данного термина: Chantraine D. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1969, p. 345; Mauerberger. Op. cit., S. 798 f.

²⁹ Peters F. E. Greek Philosophical Terms: A Historical Lexicon. N. Y.— L., 1967, p. 52.

³⁰ Фукидид также определяет предмет истории как действия (*τὰ πραγθέντα*) и речи (*τὰ λεχθέντα*). В отличие от Полибия он посвящает этому вопросу лишь краткий абзац (*Thuc.*, I, 22).

Полибия о том, что его время требует одних речей, прошлое — других, что одни речи подходят этолийцам, другие — пелопоннесцам, третьи — афинянам. Более того, он настаивает на необходимости высокого мастерства в искусстве красноречия у авторов исторического повествования, издевательски квалифицируя помещенные в произведении Тимея речи как пример школьного упражнения по риторике (XXXVI, 1, 3; XII 25i, 4; 25a, 5).

Но вместе с тем Полибий первым среди известных нам греческих историков столь подробно обсуждает вопрос о месте, роли и принципах изложения речей в историческом сочинении. В основе их, по мысли историка, должны лежать подлинные, «произнесенные в действительности (κατ' ἀλήθειαν εἰρημένους) речи, каковы бы они ни были» (οἰοί ποτ' ἐν ᾧσι). Во-вторых, речи героев исторического повествования должны нести четкую смысловую нагрузку. Из этого следует призыв Полибия к строгому отбору материала, критика многословия (εὐρησιλογία) и стремления некоторых авторов «выставлять напоказ свое умение» в составлении речей. Наконец, он убежден, что включение речей в историческое сочинение не может подменить собой их анализ. Речи должны сопровождаться соответствующими объяснениями. Смысл события и выступления государственного деятеля становится ясным лишь по разъяснению причин, по которым речь имела или не имела успеха, и ее последствий. Настойчиво убеждая читателя в своей правоте, автор «Всеобщей истории» критикует Тимея за пространные и бесцельные речи, называя его «многоговорящим по каждому поводу» (πρὸς πᾶσαν ἀπόθεσιν εὐρησιλογῶν — XII, 25b, 1—2; 25i, 5; 8—9; XXXVI, 1, 1—2).

Эту многословную и неоднократно повторяемую в отступлениях критику представителей так называемого риторического направления в античной историографии можно свести к трем основным требованиям: передача сказанного в действительности, того, что имеет наибольшее значение для понимания хода исторических событий и его анализ. Полибий, несомненно, образован в области риторики и знаком с основными руководствами и теориями ораторского искусства. Тем более примечательно, что он поднимает очень важный для античной историографии вопрос о месте и роли речей в историческом сочинении. Его заслуга перед исторической наукой заключается в том, что он выдвигает тезис о подчиненности риторического материала историческому, об обработке такого материала по законам исторического исследования и пытается доказать его правильность.

Подведем некоторые итоги. Основываясь на анализе высказываний Полибия, как нам кажется, можно говорить о существовании в античной историографии III—II вв. до н. э. двух тенденций, между которыми велась ожесточенная борьба. Одну из них связывали с отождествлением исторической прозы и художественной литературы. Стремление обрабатывать материал исторических сочинений по канонам, разработанным теоретиками словесного искусства, — основной признак такого рода историописания. Трудно сказать, нашли ли свое выражение эти идеи в оформлении еще одного направления в историографии — «риторического». Состояние источников не позволяет решить эту проблему окончательно. Но ясно, что эти тенденции встречали сопротивление тех представителей эллинистического историописания, которые, как Полибий, настаивали на выделении истории из системы художественного творчества и видели в истории прежде всего научную дисциплину. Полибий часто критикует взгляды и методы работы современных ему историков³¹, отсюда частые

³¹ Эта особенность методики Полибия отмечалась рядом исследователей. См., например: *Lehmann G. A. Polybios und die ältere und zeitgenössische griechische Geschichtsschreibung. Einige Bemerkungen.* — In: *Polybe. Neuf esposes suivis de discussions.* Genève, 1974, S. 145—208; *Walbank F. W. Polemic in Polybios.* — *JRS*, 1962, LII, № 1, p. 1—12.

повторения и отступления в его труде, при этом он ссылается на прогресс в науках и искусствах, учитывая который можно и должно изучать историю научно (*μεθοδικῶς* — IX, 2, 5), вместе с тем и сам он непосредственно участвует в разработке метода исторического исследования.

G. S. Самохина

*POLYBIANA: HISTORY AS A SCIENCE
IN HELLENISTIC HISTORIOGRAPHY
IN THE THIRD AND SECOND CENTURIES B. C.*

G. S. Samokhina

Study of the Histories of Polybius reveals the existence in this period of two tendencies in treating the concept of history. Adherents of the first regarded historical prose as a variety of artistic literature and tried to make use of the achievements of theoretical specialists in verbal mastery without in any way changing the writing of history. Polybius objected to this. He was a follower of those Hellenistic historians who saw in history first of all a scientific discipline with its own specific aims. The polemics over this question brought Polybius not only to criticise his adversaries and argue his own case, it also led him to take part in working out a method of historical research. In his opinion history is a portrayal of life, drawn with great clarity and precision, a portrayal of truthfulness. The historian who adheres to the canons of the theoreticians of verbal mastery should always keep in mind the subordination of his material to the laws of historical research.
